ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, 2020, том 84, № 3, с. 341–358

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 332.1

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЧИСТЫХ ДОХОДОВ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

© 2020 г. И. П. Глазырина[a, b, *], Л. М. Фалейчик[a, b], А. А. Фалейчик[b]

[a] *Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита, Россия*

[b] *Забайкальский государственный университет, Чита, Россия*

**e-mail: iglazyrina@bk.ru*

Поступила в редакцию 26.08.2019 г.
После доработки 08.11.2019 г.
Принята к публикации 30.01.2020 г.

Одной из основных проблем, препятствующих развитию территорий, примыкающих к государственной границе на востоке России, остается отток населения, преимущественно образованных, молодых и активных граждан. Среди его причин – территориальные различия в уровне и качестве жизни. В данной работе для анализа межрегиональной дифференциации используются показатели динамики чистых доходов легально работающих граждан в различных отраслях и секторах, скорректированных с учетом роста цен в регионах России. Был рассмотрен период с 2011 г. – момента экономической стабилизации после кризиса 2008–2009 гг. – по 2016 г. Обработка и анализ официальной статистической информации выполнялись с использованием ГИС-технологий, результаты представлены тематическими картами распределения изучаемых показателей по регионам РФ. Кризисные явления и экономические шоки, несомненно, оказали существенное воздействие на экономику регионов, однако степень чувствительности к ним, определяемая, в том числе, и социально-экономической политикой, оказалась в высшей степени неоднородной. Политика импортозамещения оказала определенное позитивное воздействие на аграрный сектор, и в большинстве регионов России чистые доходы работающих в нем заметно выросли. Учитывая, что чистые доходы граждан в агропромышленном комплексе остаются низкими, а доля проживающих в сельских поселениях восточных приграничных регионов достаточно высока, приходится констатировать, что геополитические задачи на Востоке страны еще далеки от своего решения. В результате обработки и анализа большого массива данных установлено, что динамика чистых доходов занятых в экономике на Дальнем Востоке в целом более благоприятная, чем в Восточной Сибири, хотя есть значительные отраслевые различия.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Дальний Восток, институциональные изменения, трансграничное российско-китайское сотрудничество, пространственная неоднородность

DOI: 10.31857/S2587556620030152

ВВЕДЕНИЕ

Развитие Востока России как важная государственная задача обсуждается уже почти два десятка лет. С тех пор принимались различные государственные программы как федерального, так и регионального уровней, создавались фонды и институты развития [2, 3, 10, 14 и др.]. Восточным приграничным регионам страны уделялось особое внимание. Проводились многочисленные научные исследования, которые в целом выявляли консервацию многих социально-экономических проблем, в том числе сохранение высокого межрегионального неравенства, несмотря на предпринимаемые усилия [1, 4, 5, 7, 11, 12, 25]. Постоянным предметом внимания экономистов является и китайский фактор развития восточных территорий страны, который проявляется в формировании разнонаправленных тенденций и получает далеко не однозначные оценки [2, 13, 18, 19, 21–24, 26]. В [13] эконометрический анализ позволил выявить довольно тонкое обстоятельство: “Китай инвестирует и торгует с близлежащими регионами России, но делит их на две совокупности для целей торговли и для целей прямых инвестиций” [с. 93], что, естественно, сказывается и на состоянии рынка труда. По-прежнему актуальны задача сокращения оттока населения из этой части страны и проблема снижения качества человеческого капитала, поскольку значительная часть покидающих восточные регионы – высококвалифицированные специалисты и молодежь с высшим образованием. Надежды на трансгра-

ничное сотрудничество в условиях глобализации экономических отношений не оправдались. В связи с этим остается актуальной задача научного изучения и анализа процессов на рынке труда, поскольку они существенно влияют на миграционные настроения людей.

Государственные меры по развитию восточных регионов в последние годы, начиная с создания Минвостокразвития РФ в 2012 г., были преимущественно ориентированы на формирование специальных управляющих и инвестиционных институтов на Дальнем Востоке России. В этот процесс фактически не были включены регионы Восточной Сибири, в том числе приграничные, для которых соседство с бурно развивающимся Китаем должно было стать важным фактором экономической динамики, как и для ряда территорий юга Дальнего Востока.

Работы, посвященные межрегиональному неравенству в России, которое, безусловно, влияет на динамику миграционных процессов, дают масштабную картину состояния дел в этом контексте [5, 7, 12 и др.]. Там также представлен количественный анализ результатов выравнивающей политики государства по перераспределению бюджетных доходов. Однако возможности снижения неравенства объективно ограничены, в повышении качества жизни в условиях сверхцентрализованной системы особую роль призваны сыграть институты [5]. В то же время причины “нечувствительности” к усилиям властей населения восточных регионов, которое продолжает сокращаться за счет миграционного оттока, остаются, по мнению авторов, недостаточно изученными.

Цель данной работы – разработать новые количественные показатели, отражающие важные факторы влияния на решение проблемы сохранения человеческого капитала на востоке страны, изучить их динамику с учетом роста цен и провести межрегиональные сравнения. В качестве количественных характеристик этой динамики были предложены показатели чистых доходов легально работающих граждан в различных отраслях и секторах, скорректированных с учетом индекса потребительских цен. Поскольку граждане, как правило, уезжают далеко за пределы восточной части страны, расчеты и пространственное распределение показателей представлены для всех регионов России. Результаты расчетов позволили также сделать некоторые выводы о том, повлияла ли государственная политика в области совершенствования институциональной среды на динамику доходов легально работающих граждан. Были проведены сравнения приграничных регионов Дальневосточного федерального округа (ДВФО) с приграничными территориями Восточной Сибири.

Изучаемый период с 2011 г. – момента экономической стабилизации после кризиса 2008–2009 гг. – по 2016 г. включает и время, когда существенное воздействие оказали внешние шоки – девальвация российского рубля, существенные колебания нефтяных цен, санкции западных стран и связанное с ними продовольственное эмбарго России.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной базой служит официальная статистическая информация Федеральной службы государственной статистики[1] (Росстата) и Федеральной налоговой службы России[2] (ФНС) за период 2011–2016 гг., а также аналитическая информация, размещенная на официальных интернет-порталах и профессиональных сайтах интернет-изданий.

В качестве теоретической базы исследования выступают теории пространственной и институциональной экономики. Анализ пространственного распределения изучаемых показателей по регионам РФ и межрегиональные сравнения выполнялись в геоинформационной среде ArcGIS. Широкие функциональные возможности геоинформационных систем (ГИС) существенно расширяют аналитические средства обработки и классификации большого объема разнообразной информации, удобного представления ее в виде тематических карт пространственного распределения изучаемых показателей. Для решения поставленных задач проведен анализ динамики доходов в регионах активного трансграничного взаимодействия на востоке России, прежде всего Дальнего Востока и Байкальского региона (Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край), в том числе в разрезе отраслей и секторов (видов деятельности) экономики. После 2010 г. доступная налоговая отчетность дает для этого довольно большие возможности.

Анализировались показатели 83 российских регионов (Республика Крым и г. Севастополь в этот перечень не вошли вследствие неполноты статистических данных за рассматриваемый период). Межрегиональные сравнения выполнялись в сопоставимых ценах, базисный год – 2011.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Межрегиональное неравенство подушевому валовому региональному продукту (ВРП) остается стабильно высоким, и задача его существенного снижения вряд ли выполнима даже в средне-

[1] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 12.09.2018).

[2] https://www.nalog.ru/rn75/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения 12.09.2018).

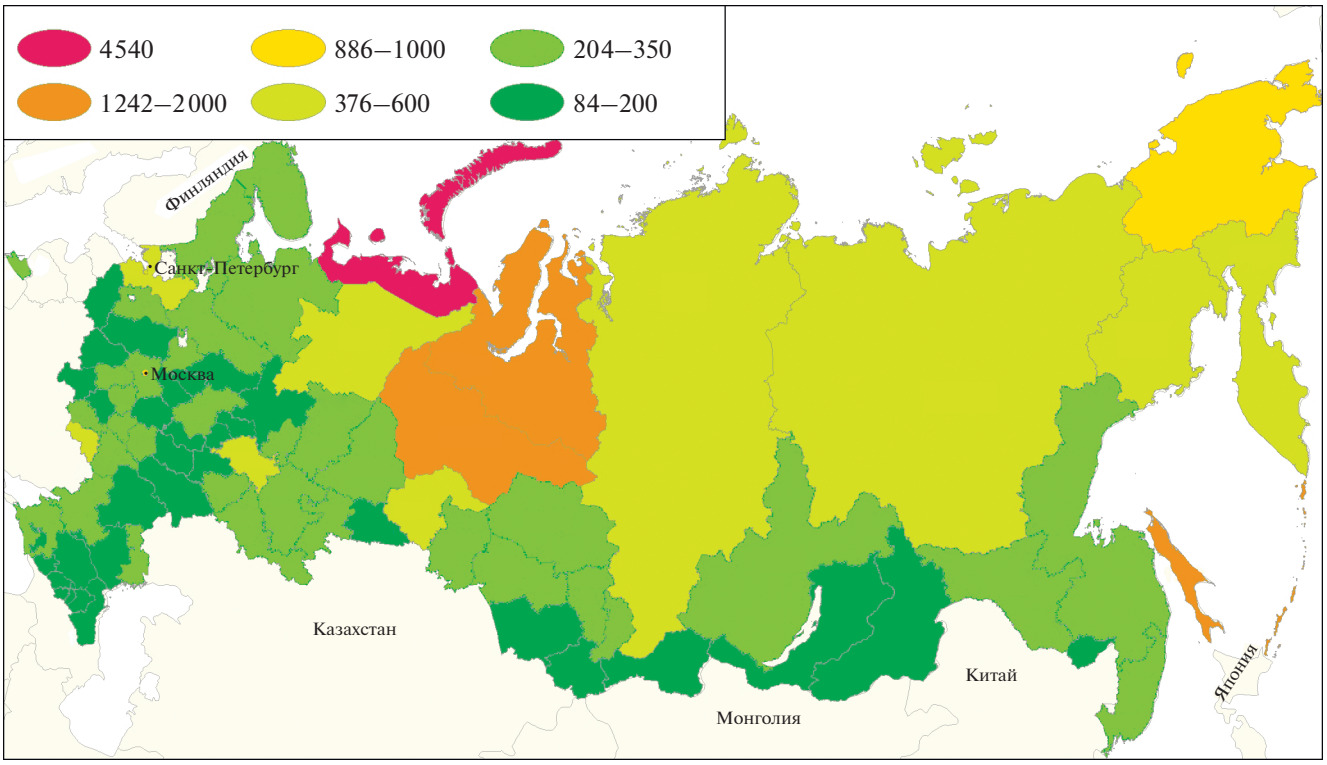

Рис. 1. Подушевой ВРП регионов России в 2016 г., приведенный к 2011 г. (тыс. руб./чел.). В Москве – 885.7 тыс. руб./чел. Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

срочном плане. На рис. 1 отражена дифференциация регионов РФ подушевому ВРП в 2016 г., приведенному к 2011 г. с использованием индекса физического объема валового регионального продукта. Ситуация, представленная на карте, иллюстрирует драматичную разницу в распределении данного показателя по регионам. Основная часть регионов попадает в три низших класса. Исключение составляют Москва, нефтегазовые регионы Севера и Сахалин. Восточные территории вряд ли существенно отличаются от большинства других. Тем не менее можно отметить, что приграничные регионы Восточной Сибири уступают регионам юга Дальнего Востока.

Однако более важной представляется проблема огромной дифференциации в подушевых доходах, поскольку она существенно влияет на миграционные процессы. На востоке страны продолжается утечка ценного сегмента человеческого капитала (уезжают, как правило, образованные и относительно молодые люди) и, как следствие, снижение его качества для обширных районов. Если не удастся изменить эти тенденции, то неизбежным следствием для территорий на востоке страны станет постепенная утрата потенциала развития и деградация региональных социально-экономических систем [15, 20]. В обозримом историческом горизонте рост цены их возрождения может привести к тому, что происходящие процессы станут необратимыми. В определенной степени межрегиональное неравенство удается сократить за счет выравнивающей бюджетной политики, но ее инструменты работают преимущественно в социальной сфере и бюджетном секторе. Наблюдаемый существенный отток населения из стратегически важных восточных регионов РФ, конечно, зависит от уровня и качества жизни в среднем по региону. Однако в эти показатели (среднедушевые денежные доходы населения и др.) включены все виды доходов, в том числе пенсии и социальные пособия.

Миграционный отток в значительной степени определяется межрегиональным неравенством возможностей на рынке труда. Сокращение населения в восточных регионах служит предметом серьезного общественного внимания, обсуждается в СМИ и в социальных сетях. Анализ всего комплекса информации позволил заключить, что:

(1) на отток населения, кроме уровня оплаты труда (который, разумеется, тоже очень важен), влияет уровень доходов, получаемых гражданами (не только в виде заработной платы, но и доходов предпринимателей) на рабочем месте в легальном секторе. Средний уровень заработной платы по регионам, рассчитываемый Росстатом, на востоке страны, как правило, выше, чем в европейской части. Однако номинальный уровень заработной платы нередко служит объектом манипулирова-

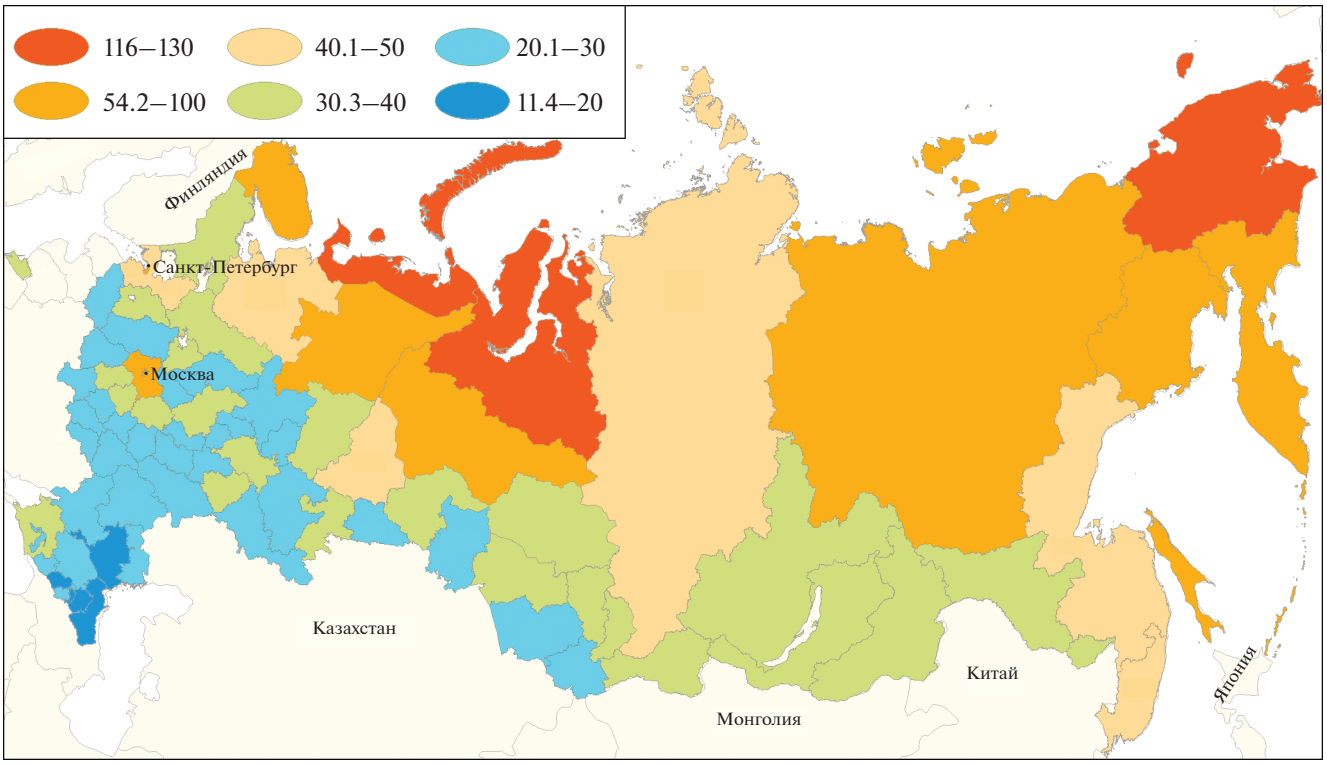

Рис. 2. Величина уплаченного НДФЛ в среднем на одного занятого в экономике регионов (тыс. руб./чел.) за 2016 г. В целом по России – 41.9 тыс. руб./чел. Источник: рассчитано авторами на основе данных ФНС России и Росстата.

ния для достижения необходимых показателей в отчетах. Хорошо известно о переводах, например, научных сотрудников РАН и других работников бюджетной сферы, на долевые ставки для отчетов о выполнении “майских указов” Президента РФ. В соцсетях обсуждается вопрос о том, что повышение МРОТ в 2018 г. вызвало перевод низкооплачиваемых сотрудников у многих предпринимателей на долевые ставки, чтобы формально не нарушать трудовое законодательство, на деле оставляя прежний уровень оплаты труда. Использование показателей динамики налога на доходы физических лиц (НДФЛ) на основе налоговой отчетности позволяет исключить эти искажения;

(2) когда речь идет не просто о выборе места работы, но и о месте проживания, важное значение имеют возможности роста благосостояния на горизонте нескольких лет. Значимыми становятся ответы на вопросы: “стало ли лучше жить здесь в последние годы?”, “есть ли надежда на улучшение в ближайшем будущем?”, “а что в других регионах?”. Граждане оценивают, как развивается регион, возникают ли новые возможности для трудоустройства и самореализации, как формируется региональная экономическая политика. Поэтому, кроме показателей уровня заработной платы, необходимы количественные параметры указанной динамики. Характеристикой доходов на рабочем месте в легальном секторе экономики может служить уплаченный НДФЛ. Доходы в легальном секторе обычно принимаются во внимание, когда идет речь о мотивации к отъезду в другие регионы с целью повышения уровня жизни. За основу для оценки доходов были взяты данные Федеральной налоговой службы об уплате НДФЛ за период с 2011 по 2016 г. На рис. 2 представлены результаты расчетов НДФЛ в среднем на одного занятого в экономике регионов за 2016 г.

Высокие значения НДФЛ в северных и нефтегазовых регионах объясняются относительно высокими доходами в добывающих секторах экономики, районными надбавками к заработной плате и значительным числом работающих вахтовым методом. Приграничные, а также вовлеченные в активное трансграничное сотрудничество с КНР восточные регионы страны занимают по этому показателю средние позиции, тогда как по душевому ВРП они находятся в аутсайдерах. Однако стоит отметить, что средний уровень НДФЛ и, соответственно, уровень номинальных доходов в легальной экономике на юге Дальнего Востока выше, чем в Байкальском регионе и на юге Восточной Сибири в целом.

Еще один возможный фактор – стоимость жизни, которая статистически отражается в стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (СФНПТУ). Пространственное

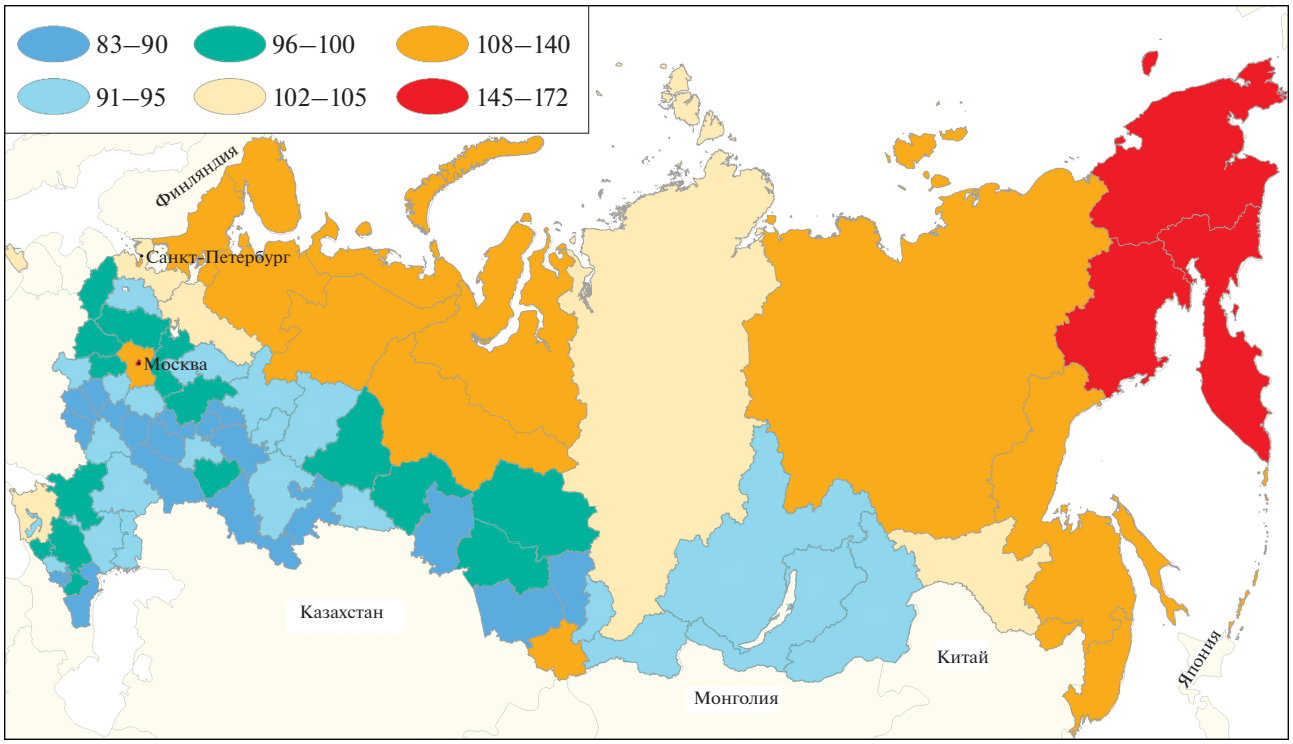

Рис. 3. Распределение регионов РФ по стоимости фиксированного набора товаров и услуг в 2016 г., % к среднероссийской стоимости. Источник: данные Росстата.

распределение этого показателя в процентах от среднероссийского уровня представлено на рис. 3. В большей части регионов Дальнего Востока он превышает среднероссийский. Однако в Байкальском регионе, отток населения из которого выше, чем с Дальнего Востока, стоимость жизни ниже, чем в среднем по стране, и вполне сопоставима с регионами Центральной России.

Для сравнения уровня чистых доходов легально работающих граждан, вычисленных по НДФЛ, с учетом уровня цен в различных регионах, мы провели расчет специального регионального индекса $RI(k)$:

$$RI(k) = [t(k) : c(k)] : T,$$

где T – подушевой размер НДФЛ в целом по России (в расчете на одного занятого в экономике), $t(k)$ – величина НДФЛ в расчете на одного занятого в регионе k, $c(k)$ – отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в регионе k и РФ в целом.

Таким образом, $RI(k)$ представляет собой относительную величину НДФЛ в регионе k, скорректированную с учетом уровня цен в этом регионе. Распределение этого показателя за 2016 г. представлено на рис. 4. Для приграничных регионов востока страны он ниже среднероссийского, однако вполне сопоставим со значениями для регионов европейской части России, куда в основном и направляется миграционный поток [15]. Для северо-восточных регионов этот показатель даже выше среднероссийского, однако там мы также наблюдаем сокращение населения вследствие миграции.

Расчеты показывают, что легальные доходы работающего населения на востоке страны в среднем выше, даже скорректированные с учетом уровня цен, чем в большинстве регионов европейской части (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга). Однако это не повлияло на направление миграции населения – отток на запад продолжается. Этот факт не говорит о том, что данный показатель не важен. Дело в том, что его величина, по представлениям граждан, не компенсирует различные негативные аспекты “жизни на востоке”: суровые климатические условия, удаленность от культурных и образовательных центров, плохую транспортную и социальную инфраструктуру, создающую ежедневные неудобства и постоянно негативно влияющую на качество жизни.

Для количественной оценки фактора, описанного в (2) (“стало ли жить лучше”), были рассмотрены показатели чистых доходов легально работающих граждан для каждого региона в динамике за изучаемый период. Под чистыми доходами легально работающих граждан здесь понимается совокупный объем официально выплаченной заработной платы и других легальных доходов фи-

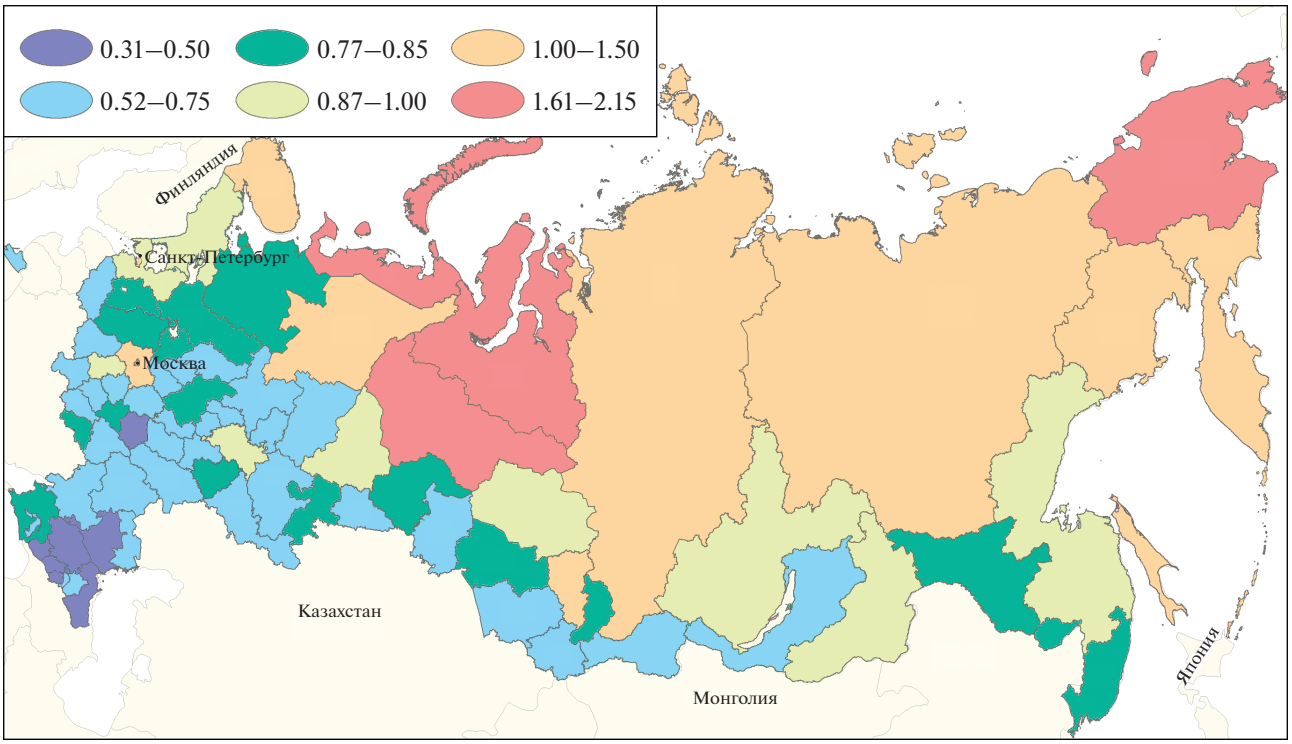

Рис. 4. Региональный индекс, рассчитанный по российскому и региональным значениям среднедушевого (на 1 занятого в экономике) НДФЛ, региональным СФНПТУ, 2016 г. Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

зических лиц, вычисленный по НДФЛ по данным ФНС России. То есть речь идет о том, как менялся фонд совокупной заработной платы и других легальных доходов, формируемый региональной экономикой. Для учета эффекта инфляции использовались индексы потребительских цен (ИПЦ), все показатели приводились к ценам 2011 г. Таким образом был рассчитан прирост совокупных чистых (легальных) доходов работающих граждан по основным отраслям в регионах России за 2011–2016 гг., результаты представлены в табл. 1. Кроме общей динамики по регионам там представлена динамика по видам экономической деятельности (ВЭД) в соответствии с исторической специализацией восточных регионов страны (которая в значительной степени сохраняется). Кроме того, в таблицу включены данные по ВЭД “Образование” и “Здравоохранение” в силу их социальной значимости. Рисунок 5 дает представление о межрегиональном неравенстве в распределении чистых (легальных) доходов работающих граждан в регионах России за 2011–2016 гг.

Кризисные явления и экономические шоки, несомненно, оказали существенное воздействие на развитие регионов, однако степень чувствительности к ним, определяемая, в том числе, и социально-экономической политикой, оказалась в высшей степени неоднородной. Хотя по России в целом прирост за период с 2011 по 2016 г. составил 0.5%, в подавляющем большинстве регионов чистые доходы работающих граждан снизились, иногда очень существенно.

Государственные программы развития и поддержки агропромышленного комплекса (АПК) за счет федерального бюджета действуют во всех регионах. Однако чистые доходы граждан в сельском хозяйстве в Бурятии и Забайкальском крае существенно снизились, а в Иркутской области и Красноярском крае выросли незначительно (см. табл. 1, рис. 6). На основе экспертных оценок и наблюдений можно высказать предположение, что в Забайкалье очень существенная доля товарного сельскохозяйственного производства находится в тени, прежде всего потому, что выгоды от легализации по-прежнему существенно ниже ее негативных последствий, особенно для мелких производителей. Во всех регионах Дальнего Востока в доходах сельхозпроизводителей наблюдается более динамичный рост, чем в Восточной Сибири. Беспрецедентный для востока страны высокий рост чистых доходов работающих в сельском хозяйстве – около 86% – достигнут в Еврейской автономной области, где около 30% земли арендуют китайские предприятия, выращивающие сою на экспорт в КНР.

Таблица 1. Прирост совокупных чистых (легальных) доходов работающих граждан по основным отраслям в регионах России за 2011–2016 гг. (% к 2011 г.)

Регион	Всего, в том числе:	Вид экономической деятельности (ВЭД)											
		Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	Лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области	Добыча полезных ископаемых – всего	в том числе: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – всего	добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	Обрабатывающие производства – всего	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели; Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	Строительство	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь – всего	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг
	1010	1020	1025	1035	1040	1065	1085	1130 + 1135	1270	1300	1315	1410	1420
Российская Федерация	**0.5**	**15.5**	**–14.4**	**12.8**	**13.4**	**11.1**	**–0.1**	**–3.5**	**–12.9**	**5.9**	**–1.6**	**17.9**	**16.9**
в том числе:													
Центральный федеральный округ	**0.4**	**24.5**	**–21.7**	**50.7**	**87.9**	**8.0**	**1.1**	**–5.2**	**–4.7**	**–1.9**	**3.5**	**19.5**	**19.9**
Белгородская область	3.7	26.2	–14.6	1.8	110.9	1.7	8.5	–10.0	–31.1	15.6	–2.0	36.3	22.4
Брянская область	–2.3	90.4	–27.5	–36.5	–26.9	–54.1	–2.9	–10.0	–5.2	–11.2	–20.0	3.1	16.2
Владимирская область	–9.7	–8.0	–43.8	–8.4	–92.7	19.1	1.8	–0.3	–15.7	–0.3	–16.6	–6.9	10.3
Воронежская область	–1.1	34.3	–24.3	–34.8	–41.8	–31.5	–0.6	27.0	–17.2	–10.6	–5.1	16.3	11.3
Ивановская область	–12.9	–13.2	–7.8	–23.4	148.5	–38.9	–5.3	4.8	–13.4	–13.9	–30.0	–8.4	3.4
Калужская область	–3.8	–18.9	–52.9	–40.0	–99.4	–36.1	0.7	–31.1	–20.5	1.0	–9.2	–3.0	6.6
Костромская область	–6.6	–16.7	–50.4	91.6	53.9	164.9	2.9	–10.7	1.8	–23.7	–7.3	0.7	8.3
Курская область	2.8	60.4	–8.7	27.2	–	26.8	6.8	120.2	1.6	17.4	–6.6	27.4	29.8
Липецкая область	–7.0	33.2	–12.9	5.4	–	5.4	–3.9	118.0	–48.3	–20.0	–6.9	8.3	16.8
Московская область	2.2	–16.2	4.8	9.5	52.8	0.2	–1.4	8.9	–7.3	–4.8	–4.7	40.8	3.5
Орловская область	–9.8	33.5	–7.9	–41.9	–	–43.6	–9.0	268.7	–28.4	–12.5	–18.6	–2.7	26.6
Рязанская область	–2.6	–2.3	–19.0	–22.8	–16.1	–24.2	–2.0	–6.6	–21.9	1.4	–7.4	13.6	1.0
Смоленская область	–8.3	–2.7	–24.2	–28.1	–47.6	–26.1	–10.0	27.4	–34.6	–5.2	–3.9	2.0	23.0
Тамбовская область	32.9	112.4	7.0	4.0	–100.0	39.0	5.6	–34.5	–29.3	23.5	–17.9	7.9	9.2
Тверская область	–9.4	–9.6	–41.2	–17.0	–47.2	–7.3	–13.2	–9.4	–1.2	–17.9	–23.1	8.6	–5.7
Тульская область	4.3	1.3	50.0	8.8	–26.9	12.0	10.4	9.4	–13.7	–5.1	–14.9	19.3	15.6
Ярославская область	–9.5	–2.5	–56.2	–29.2	3.3	–32.2	–2.8	18.2	–10.3	0.4	–9.3	25.6	14.8
город Москва	0.8	173.8	–2.7	92.6	94.1	81.2	4.3	–27.3	2.4	–0.2	14.4	18.8	33.0
Северо-Западный федеральный округ	**2.9**	**–5.5**	**–23.4**	**0.3**	**6.8**	**–7.8**	**0.6**	**–9.8**	**–11.5**	**6.6**	**0.5**	**14.4**	**19.1**
Республика Карелия	–12.9	–21.8	–16.6	–14.1	522.1	–14.6	–26.2	–24.1	4.1	24.9	3.0	–4.5	4.9
Республика Коми	–10.6	5.4	–47.9	–9.8	–10.7	20.6	–9.2	12.4	2.4	–10.3	–6.1	14.8	13.8

Таблица 1. Продолжение

Регион	Всего, в том числе:	Вид экономической деятельности (ВЭД)											
		Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	Лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области	Добыча полезных ископаемых – всего	в том числе: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – всего	добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	Обрабатывающие производства – всего	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели; Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	Строительство	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь – всего	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг
Архангельская область	–6.7	–10.8	–34.5	69.1	–63.3	83.7	10.1	–11.8	–47.9	24.1	–7.4	6.4	4.5
Вологодская область	–15.8	–16.1	–9.9	–27.2	–	–27.2	–15.5	0.0	–29.0	–17.4	–1.3	9.4	9.4
Калининградская область	–2.3	30.7	42.1	–19.3	–30.8	35.7	1.1	21.7	–2.7	29.6	–12.0	25.7	13.5
Ленинградская область	13.9	–3.6	–20.9	–20.7	–55.3	–18.5	5.6	–7.8	–6.1	14.5	49.6	21.0	15.6
Мурманская область	–2.8	–51.8	–10.1	–7.2	1168.0	–12.5	2.3	–35.4	–27.0	29.6	–13.8	–3.5	–3.0
Новгородская область	–6.1	26.7	14.5	–31.7	–59.8	–17.0	–1.9	3.3	26.2	5.9	–9.3	–8.0	6.0
Псковская область	–14.7	–6.8	25.0	39.5	151.3	–18.2	–16.7	–37.0	–35.1	–3.8	–23.2	–17.6	0.4
город Санкт-Петербург	10.1	–15.9	–31.1	393.4	812.0	17.4	4.2	–22.7	–9.8	1.3	0.4	20.7	33.9
Ненецкий АО	6.8	12.9	–	32.3	32.2	158.6	39.6	309.2	–14.9	141.9	–0.4	–9.1	20.5
Северо-Кавказский федеральный округ	**8.0**	**27.2**	**4.1**	**–3.6**	**6.2**	**–24.2**	**6.8**	**–20.9**	**–29.9**	**30.2**	**–3.3**	**36.8**	**33.1**
Республика Дагестан	20.6	4.4	9.6	–3.7	–4.7	1.9	57.7	65.7	–0.7	27.8	1.6	69.6	68.3
Республика Ингушетия	25.4	112.4	38.8	47.5	42.4	2420.9	16.0	423.5	27.4	277.5	26.8	67.1	35.6
Кабардино-Балкарская Республика	2.0	55.2	–13.6	–74.2	–100.0	–71.2	–34.7	–68.3	–18.5	69.7	–12.8	6.0	18.1
Карачаево-Черкесская Республика	16.3	–2.6	–2.7	–11.2	–	–11.2	–18.2	–70.6	–45.4	9.8	–4.6	34.5	13.5
Республика Северная Осетия-Алания	11.0	–17.2	75.9	–4.6	–76.1	4.5	10.6	102.8	–54.7	82.4	–5.3	13.1	45.1
Чеченская Республика	12.9	30.0	21.3	–5.6	–5.7	179.9	163.4	–80.3	–46.6	825.7	28.8	89.0	133.7
Ставропольский край	0.3	29.9	–11.2	2.1	21.2	–50.4	6.9	–2.6	–29.8	10.1	–6.8	12.1	11.3
Южный федеральный округ	**12.2**	**16.7**	**–46.0**	**9.3**	**13.3**	**–13.7**	**3.0**	**6.3**	**–27.1**	**50.0**	**4.2**	**39.2**	**38.7**
Республика Адыгея	–0.1	4.5	47.3	–6.1	71.6	–52.5	6.4	–13.0	–13.5	5.4	–9.9	67.7	13.4
Республика Калмыкия	–11.3	1.0	–43.9	–54.6	–54.8		4.5	–47.3	3.0	–17.8	5.3	73.6	–1.7
Краснодарский край	–4.5	1.1	–84.2	–4.5	24.2	–57.0	–11.4	–4.0	–50.9	29.8	3.0	33.2	17.3
Астраханская область	–3.6	–34.2	–30.2	4.0	4.3	–13.1	–13.5	–24.9	–27.1	7.5	–10.9	23.2	16.8
Волгоградская область	–3.0	23.4	–30.8	–13.5	–12.8	–23.0	–9.9	–9.3	8.1	–2.2	–13.9	–0.2	8.0

Таблица 1. Продолжение

Регион	Всего, в том числе:	Вид экономической деятельности (ВЭД)											
		Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	Лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области	Добыча полезных ископаемых – всего	в том числе: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – всего	добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	Обрабатывающие производства – всего	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели; Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	Строительство	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь – всего	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг
Ростовская область	3.1	21.8	–30.9	–12.8	–18.1	1.1	4.6	32.6	0.6	2.5	–9.8	3.5	19.6
Приволжский федеральный округ	**0.1**	**14.8**	**–22.1**	**17.0**	**16.9**	**17.4**	**3.2**	**5.8**	**–3.7**	**6.3**	**–7.6**	**13.9**	**17.6**
Республика Башкортостан	–2.2	9.3	–38.0	25.5	33.2	–2.8	–4.1	41.5	6.2	11.9	–10.6	4.0	24.3
Республика Марий-Эл	1.4	91.7	11.2	–35.1	–87.5	57.9	29.3	4.4	–35.0	3.9	–15.7	–5.8	19.6
Республика Мордовия	10.8	22.2	–44.1	–8.6	–26.3	20.9	10.5	–3.4	–18.8	5.5	20.0	32.1	30.6
Республика Татарстан	14.8	18.2	16.4	29.6	27.3	148.5	12.7	18.3	10.9	30.3	7.4	32.0	38.3
Удмуртская Республика	7.7	29.4	–14.3	12.2	11.9	67.6	23.7	29.2	–2.2	1.6	–2.9	20.3	17.5
Чувашская Республика	–0.5	37.0	–23.8	–72.9	907.5	–76.1	10.6	47.6	–9.3	38.1	–24.1	8.5	11.4
Кировская область	–5.8	1.3	–35.1	–7.1	–22.2	24.0	18.1	12.2	–3.7	–3.0	–13.3	1.2	–1.5
Нижегородская область	–2.2	–17.9	–21.5	–11.9	–13.4	–11.6	7.3	13.0	–23.5	–5.0	–1.1	10.0	8.6
Оренбургская область	–0.5	–0.4	–24.4	13.2	11.6	19.0	–7.2	–54.1	–3.2	–2.2	–10.9	9.5	25.3
Пензенская область	–0.8	34.9	–50.5	–18.9	–35.5	–8.4	4.9	–9.3	–27.3	9.7	–17.5	9.8	20.2
Пермский край	–3.4	1.9	–22.9	13.6	7.4	62.0	0.3	–18.0	–1.2	–12.0	–9.1	14.5	15.3
Самарская область	–6.8	34.9	39.8	15.7	14.8	31.8	–10.1	–39.3	9.8	8.0	–14.6	14.1	11.5
Саратовская область	–5.8	19.5	–20.0	–18.9	–39.2	186.1	–5.9	–30.7	–20.4	–6.8	–10.9	15.5	12.3
Ульяновская область	–5.3	6.9	–48.1	7.8	27.5	–22.3	–6.5	–18.2	–13.5	–1.0	–17.6	10.0	6.7
Уральский федеральный округ	**–4.1**	**14.9**	**–19.3**	**11.7**	**12.6**	**–1.1**	**–4.3**	**–14.5**	**–12.9**	**4.7**	**–5.9**	**13.2**	**–0.2**
Курганская область	–10.1	–4.9	–36.9	–1.5	–22.5	59.2	0.4	–34.4	–27.4	–10.3	–22.2	7.6	6.7
Свердловская область	–8.2	8.8	–39.1	–9.6	1.4	–9.9	–5.7	–7.3	–24.8	–9.7	–13.7	3.9	–2.3
Тюменская область	1.2	7.7	–11.4	121.5	124.4	84.9	16.3	–10.1	20.4	–4.4	–2.0	36.3	26.0
Челябинская область	0.8	43.4	–27.1	25.9	–39.7	30.4	–1.8	–3.3	–12.9	3.3	2.1	30.5	17.2
Ханты-Мансийский АО – Югра	–7.2	–24.4	15.0	6.9	7.1	–43.8	–10.5	–40.9	–30.3	–6.1	–9.5	11.9	8.0
Ямало-Ненецкий АО	6.5	–9.1	–34.7	28.0	28.8	–31.1	–39.7	553.0	6.8	101.5	14.4	2.1	–39.9
Сибирский федеральный округ	**–5.2**	**3.7**	**6.6**	**–0.7**	**–6.3**	**14.8**	**–6.1**	**2.2**	**–18.8**	**–1.5**	**–8.6**	**11.5**	**8.8**
Республика Алтай	–3.5	5.8	–20.7	–11.1	429.6	–42.3	90.2	–25.2	–34.7	–55.4	–25.6	21.4	26.7

Таблица 1. Окончание

Регион	Всего, в том числе:	Вид экономической деятельности (ВЭД)											
		Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	Лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области	Добыча полезных ископаемых – всего	в том числе: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – всего	добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	Обрабатывающие производства – всего	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели; Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	Строительство	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь – всего	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг
Республика Бурятия	–6.1	–17.4	40.5	2.6	–3.8	5.0	–12.9	123.3	–22.1	–4.8	–15.9	3.3	11.9
Республика Тыва	6.5	174.2	72.7	32.8	50.4	27.9	33.6	–62.3	88.6	45.7	6.6	15.0	–3.8
Республика Хакасия	–5.2	–27.0	21.7	21.9	16.2	27.3	–10.8	181.2	–37.6	–12.6	–10.9	29.1	21.2
Алтайский край	–6.5	6.8	–50.3	22.2	1396.7	11.8	–2.6	–21.9	–22.2	2.7	–13.0	–4.6	6.0
Красноярский край	–3.2	4.7	39.9	14.1	7.6	23.0	–5.1	–26.0	–2.2	13.4	–1.1	26.1	18.4
Иркутская область	0.6	5.4	–1.2	38.3	69.1	14.3	–6.8	8.7	–17.4	11.7	–5.5	14.2	12.3
Кемеровская область	–17.8	–5.6	–7.4	–16.1	–16.1	–15.7	–19.7	–16.8	–30.1	–14.5	–18.3	–5.9	–0.9
Новосибирская область	2.1	–7.8	–21.8	15.5	31.0	–1.1	4.9	24.9	–18.5	15.0	–6.9	14.0	15.7
Омская область	–4.0	10.5	–16.3	–61.9	–67.1	–42.2	6.7	35.5	–36.1	–17.2	–7.0	27.4	4.3
Томская область	–4.6	37.8	37.6	–7.6	–7.3	–28.8	–17.6	9.6	–8.0	–10.1	–4.6	11.3	10.4
Забайкальский край	–11.0	–36.1	14.9	–26.9	–75.3	26.8	55.4	–47.8	–35.7	–29.4	–14.1	–2.8	–11.3
Дальневосточный федеральный округ	**0.8**	**21.2**	**–5.7**	**32.7**	**45.0**	**26.1**	**–3.0**	**33.1**	**–35.5**	**8.1**	**3.0**	**22.9**	**15.5**
Республика Саха (Якутия)	13.1	9.3	18.7	33.7	52.0	27.4	–10.6	–6.3	9.0	53.1	8.0	38.5	27.4
Приморский край	–3.8	27.0	–19.0	–1.4	56.2	–27.4	–6.5	32.9	–69.6	15.0	22.5	20.4	17.8
Хабаровский край	–7.5	13.5	–4.2	23.5	33.1	21.7	–4.9	54.0	–48.5	16.5	–10.4	5.7	5.6
Амурская область	–12.3	28.7	–21.9	–0.1	–6.9	0.7	–0.3	–30.2	–30.8	–5.3	–15.8	–4.5	–3.6
Камчатский край	15.2	43.8	8.5	37.3	–23.6	69.9	32.3	–65.6	–23.1	32.0	–6.3	23.6	21.2
Магаданская область	11.9	19.3	16.8	52.0	–4.3	53.3	–3.9	–77.2	40.4	8.2	14.8	23.4	32.2
Сахалинская область	11.8	1.7	25.5	53.5	54.5	11.3	3.9	115.5	6.8	–12.1	1.2	72.9	24.1
Еврейская автономная область	–13.5	86.3	3.4	12.1	–99.2	25.5	–24.8	50.6	–68.2	–23.4	19.2	10.9	11.0
Чукотский АО	–6.5	17.6	–20.1	42.3	–20.2	47.7	–1.8		–44.5	–29.2	27.0	22.9	18.5

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата и ФНС России.

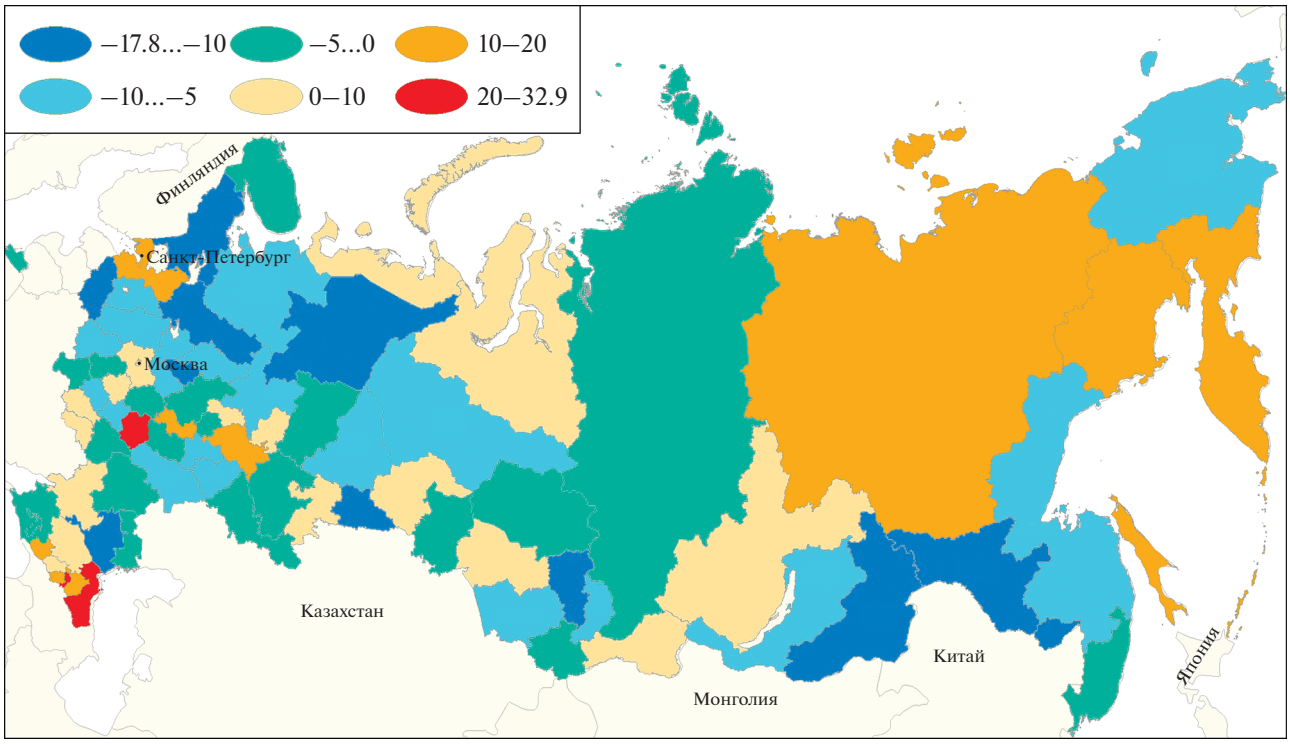

Рис. 5. Прирост совокупных чистых (легальных) доходов работающих граждан в регионах России за 2011–2016 гг. (% к 2011 г.). Источник: рассчитано авторами на основе данных ФНС России и Росстата.

В период с 2011 по 2016 г. практически во всех восточных регионах страны наблюдался рост туристических потоков, особенно с 2014 г. Это получило отражение в росте чистых доходов занятых в гостиницах и ресторанах. Резкое увеличение числа китайских туристов отмечалось в Приморском крае – более чем на 70%[3]. Однако по данному ВЭД ("Гостиницы и рестораны") чистые доходы в Сибирском федеральном округе в целом даже снизились (–1.5%), а в ДВФО выросли лишь на 8.1%. Ожидаемо выросли чистые доходы в Иркутской области (11.7%), поскольку Байкал является одним из наиболее привлекательных туристических объектов на Востоке России, в том числе для китайских туристов, хотя на восточном побережье Байкала, в Бурятии, мы видим снижение (–4.8%). В Забайкальском крае даже с учетом того, что основной китайский транзит идет через переход Манчжурия–Забайкальск, падение чистых доходов составило 29.4%. Это объясняется спецификой китайского туризма в России: его организация китайскими туроператорами предусматривает оставление львиной доли добавленной стоимости в КНР. Эта специфика проявляется не только в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке[4], но доля китайский туристов в общем турпотоке здесь значительно выше, чем в других регионах России.

Чистые доходы занятых по сегменту "Связь" в рамках ВЭД "Транспорт и связь" снизились в подавляющем числе регионов и в целом по стране. Это обусловлено, в основном, завершением на большей части территории России проектов развития инфраструктуры связи, включая мобильную. В восточных приграничных регионах исключение составляет только Еврейская автономная область – 43% прироста.

Более неожиданным оказалось падение доходов по сегменту "Транспорт". Это произошло во всех регионах Сибири, включая приграничные, за исключением Тывы и Красноярского края (рис. 7). На Дальнем Востоке в Амурской области и Хабаровском крае мы также видим падение доходов, несмотря на то, что они, как и Забайкальский край, имеют устойчивые трансграничные перевозки и могли бы получить сравнительные преимущества в условиях изменения валютного курса. Снижение доходов в транспортном сегменте связано с сокращением перевозок, обслуживающих экспортно-импортные операции. Для

[3] Туризм в красном тереме. https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/06/648112-turizm-krasnom-tereme (дата обращения 12.09.2018).

[4] Большой китайский заговор: почему миллионы гостей из Поднебесной не приносят в бюджет Петербурга ни рубля. https://www.spb.kp.ru/daily/26708/3733790/ (дата обращения 12.09.2018).

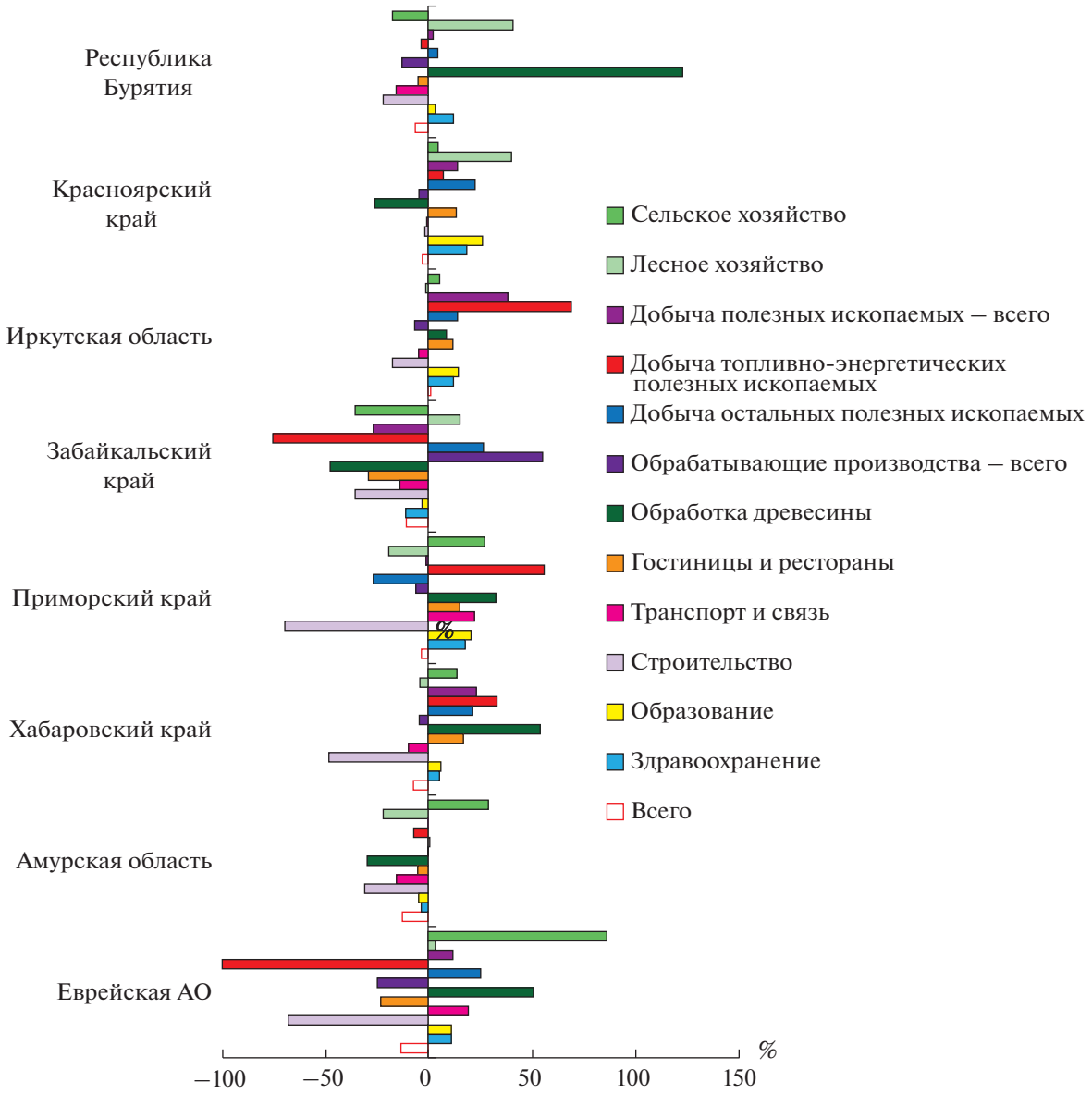

Рис. 6. Прирост совокупных чистых доходов легально работающих граждан по регионам России, вовлеченным в активное трансграничное сотрудничество с Китаем, за 2011–2016 гг. в разрезе основных отраслей, %. Источник: рассчитано авторами на основе данных ФНС России и Росстата.

импорта из КНР снижение курса российского рубля – неблагоприятный фактор, а экспорт в КНР в стоимостном выражении по-прежнему существенно уступает импорту. В 2016 г. экспорт из России в КНР и импорт из КНР в Россию составили 27.4 и 39.9 млрд долларов США соответственно. В 2016 г. импорт сократился по сравнению с 2013 г. на 28.6%, сокращение экспорта составило 23%[5]; одной из причин было снижение темпов экономического роста в КНР и, вследствие этого, спроса на сырьевые товары.

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В этом разделе представлен сравнительный анализ динамики чистых доходов для двух групп восточных приграничных субъектов РФ: входящих в ДВФО при его образовании и тех, которые принято относить к Байкальскому региону – Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край. Последние два региона включены

[5] Взаимный товарооборот России и Китая: отношения, построенные на учете интересов друг друга. http://moneymakerfactory.ru/biznes-plan/tovarooborot-rossii-i-kitaya (дата обращения 12.09.2018).

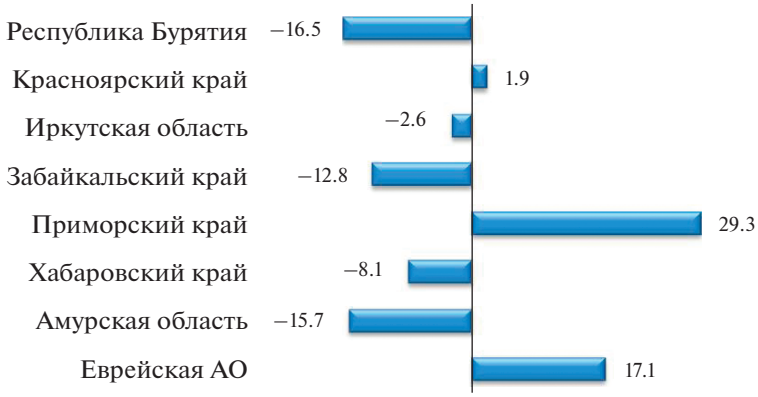

Рис. 7. Прирост совокупных чистых (легальных) доходов работающих в сфере транспорта по регионам России, вовлеченным в активное трансграничное сотрудничество с Китаем, за 2011–2016 гг., %. Источник: рассчитано авторами на основе данных ФНС России и Росстата.

в ДВФО в конце 2018 г. "Старые" дальневосточные регионы отличает то, что в них в последние пять лет сформировались новые институты развития, которые практически не функционировали в Байкальском регионе. Поэтому важно понять, насколько существенно это отразилось на динамике чистых доходов граждан.

Следует отметить и еще один важный аспект. Экономическое сотрудничество регионов российского Дальнего Востока «...продолжает "смещаться" в сторону Китая, что определяется общей активизацией российско-китайского сотрудничества на государственном уровне, особенно стимулируемой с 2014 г.» [2, с. 45]. Аналогичные процессы имеют место и в регионах Восточной Сибири, но протекают с гораздо меньшей интенсивностью, в основном потому, что прямая государственная поддержка со стороны федерального центра для этих инициатив либо существенно ниже, либо практически отсутствует. В определенной степени это отражают и результаты, представленные на рис. 2 и в табл. 1, однако вряд ли можно сказать, что здесь существует однозначно положительная взаимосвязь между инвестиционными потоками и ростом доходов граждан.

Опыт 1990-х и 2000-х гг. показал, что надежды на то, что преимущества географического положения и бурно растущая экономика Китая станут драйверами экономического и социального развития, улучшения инфраструктуры, технологической и экологической модернизации восточных регионов, в целом не оправдались [3, 13, 15, 20, 26]. Понимание необходимости институциональной трансформации в последние годы получило определенную практическую реализацию. Был создан целый спектр новых институтов развития, принят целый ряд решений, направленных на совершенствование институциональной среды: создано Минвостокразвития, разработаны и приняты законы и программы, в том числе "Программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона", в общей сложности – более 20 новых законодательных актов и дополнений к существующим [2]. Важным аспектом стала разработка законодательства о территориях опережающего развития (ТОР). Целям развития востока страны призвано служить и участие России в новых международных финансовых институтах, в том числе Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB), Российско-китайском инвестиционном фонде и др.

В [9] был сделан вывод о том, что "перспективы восточных регионов РФ в привлечении инвестиций из стран Азии связаны с федеральной политикой поддержки Дальнего Востока и взаимными инвестициями в нефтегазовой отрасли" [с. 47]. Это в определенной степени подтверждается результатами, представленными в [2], и нашими расчетами. Как показывает табл. 1, динамика объема формируемых чистых доходов занятых на Дальнем Востоке в целом более благоприятная, чем в приграничных регионах Сибири. Однако перспективы изменения сырьевого характера региональных экономических систем и их диверсификации в этих условиях остаются неясными – в восточных регионах России интерес китайских инвесторов по-прежнему сосредоточен на добыче сырьевых ресурсов [2, 14, 18, 21, 26]. Новые институциональные формы, созданные для поддержки и ускорения процессов развития на Востоке России, на практике оказываются инструментами поддержки крупных ресурсных проектов; это, в частности, отмечается в работе [2]. Чистые доходы занятых в обрабатывающей промышленности снизились почти во всех регионах Дальнего Востока, а в приграничных – и доходы по всей совокупности отраслей (см. табл. 1).

Расчеты показали, что в различных отраслях влияние новых институтов может проявляться

неодинаково. Добыча полезных ископаемых – традиционно очень важная для востока страны отрасль. В экономическом развитии минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока все более активно участвуют новые институты развития: территории опережающего развития, Минвостокразвития, мероприятия в рамках Госпрограммы "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона", в том числе статусы "регионального инвестиционного проекта" со специальным налоговым режимом [2]. К настоящему времени главными бенефициарами деятельности новых институтов оказались предприятия минерально-сырьевого комплекса.

Кроме того, в регионах Дальнего Востока инвестиционные инициативы КНР в минерально-сырьевой комплекс [11] более заметны, чем в Байкальском регионе. Основные направления инвестиций – золоторудные предприятия и добыча железной руды. В Еврейской автономной области рост чистых доходов в секторе "добыча полезных ископаемых, за исключением топливно-энергетических" (см. рис. 6) практически полностью определяется деятельностью Кимкано-Сутарского ГОКа, где основными инвесторами являются китайские компании.

Лесопромышленные комплексы восточных регионов имеют выраженную экспортную ориентацию [6]. Поэтому снижение курса российского рубля могло позитивно сказаться на состоянии отрасли. Действительно, чистые доходы занятых в обработке древесины на Дальнем Востоке увеличились на 33%, в Сибири – на 2%. В [1] отмечается важное значение инвестиций российско-китайского инвестиционного фонда в акционерный капитал отечественной крупнейшей лесопромышленной компании RFP Group. Данные табл. 1 показывают, что в Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области в деревообработке наблюдается существенный прирост чистых доходов: 32.9, 54 и 50.6% соответственно. В то же время в Амурской области – существенный спад (30.2%). Еще более драматичным оказалось это падение в Забайкальском крае (47.8%), несмотря на то, что он имеет наилучшие инфраструктурные условия для экспорта в КНР. Эти два региона не имеют крупных деревообрабатывающих производств с высокой долей добавленной стоимости. Поэтому в условиях изменения валютных курсов, когда повысилась рентабельность вывоза необработанной древесины, лесопользователи тут же переориентировались на этот вид деятельности [16]. В Бурятии доходы в деревообработке выросли очень существенно (123%), причем в основном увеличение достигнуто в производстве целлюлозы, хотя и на других деревообрабатывающих производствах также отмечается рост. В Иркутской области прирост чистых доходов в производстве целлюлозы был существенно ниже (6%), видимо, сыграло свою роль закрытие Байкальского ЦБК. Однако в других деревообрабатывающих сегментах области отмечается рост – на 13%.

В 2016–2018 гг. наметились тенденции институциональной трансформации, направленные на снижение экономических и административных барьеров при использовании "дальневосточных преференций", в частности в рамках территорий опережающего развития и региональных инвестиционных проектов. Однако формальное снижение этих барьеров, сокращающее, в том числе, трансакционные издержки, не решает многих проблем, связанных с реализацией сравнительных преимуществ восточных территорий. Например, развитие деревообработки уже многие годы тормозит монопсония на китайском рынке лесопромышленной продукции. Расширение рынков за счет развития внутреннего спроса, ориентированного на деревянное домостроение, производство энергоносителей на основе переработки лесных ресурсов и др. требуют более тонких и комплексных инструментов регулирования, направленных на поддержку местного малого и среднего бизнеса. Необходимо восстановление индустрии сельского строительства после многолетней деградации, для которого, в свою очередь, необходимо решение вопросов кадрового обеспечения. По-видимому, дальнейшее совершенствование институтов пространственного развития неизбежно будет связано с новыми технологиями стратегического планирования. Принципиально важным изменением процессов и стратегического планирования, и экономического регулирования должна стать их нацеленность не только на увеличение объемов инвестиций, поскольку это автоматически не гарантирует улучшения качества жизни. Необходимо улучшение конкурентных условий для тех проектов, которые обладают должным качеством с позиций повышения привлекательности региональных рынков труда, в частности, способствуют повышению чистых доходов граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу сложившегося в течение десятилетий отставания Востока России по уровню экономической активности и качеству жизни геополитические задачи в этой части страны ориентированы на обеспечение опережающего развития. Сохранение человеческого капитала и улучшение его качества является необходимым условием для их решения. В этом контексте динамика чистых доходов работающих граждан выступает как важный фактор, который влияет на мотивацию людей работать в отдаленных от центра регионах с не самыми благоприятными климатическими условиями. Он хотя и не определяет полностью, но в значительной степени влияет на привлека-

тельность рынка труда, как для наемных сотрудников, так и для предпринимателей. Расчет чистого дохода производился на основе данных ФНС о реально уплаченном НДФЛ. Для корректировки с учетом изменений стоимости жизни во времени использовался индекс потребительских цен. Кроме того, были учтены ценовые различия стоимости товаров и услуг в регионах, для это рассчитан специальный региональный индекс, позволяющий корректно производить межрегиональные сравнения.

При формировании новых дальневосточных институтов развития одной из основных целей было создание более благоприятных условий для реализации географических преимуществ приграничных регионов и повышение эффективности сотрудничества со странами АТР. В частности, ставилась (и продолжает ставиться) задача улучшения экономической структуры (преодоление сырьевой ориентации, развитие высокотехнологичных производств) за счет иностранных инвестиций и "перелива технологий" в процессах трансграничного сотрудничества. Опыт 1990-х и 2000-х гг. показал, что удобное географическое положение само по себе этих задач не решает. Экспорт сырья растет, при этом сырьевой характер региональных хозяйственных систем только укрепляется. Поэтому было принято решение о создании новой институциональной среды для движения навстречу самоорганизующейся трансграничной кооперации для изменения вектора развития в сторону производств с высокой добавленной стоимостью и технологической модернизации. При этом сохранение человеческого капитала и улучшение его качества становится вопросом первостепенной важности. Достаточно высокий уровень чистых доходов работающих граждан и опережающая динамика их роста (по сравнению с регионами с более благоприятными условиями жизни) являются необходимыми факторами успеха.

На основании проведенных расчетов можно сделать следующие выводы.

1. Несмотря на рост экономики в 2011–2013 гг., в целом за период 2011–2016 гг. произошло падение чистых доходов в большинстве регионов России и по большинству основных отраслей промышленности. Во всех, за исключением Тывы, южных приграничных регионах на востоке России, где можно было бы ожидать роста чистых доходов легально работающих граждан за счет оживления трансграничных связей (прежде всего с КНР) вследствие девальвации рубля после 2014 г., произошло снижение доходов. Это говорит о том, что задача создания благоприятных экономических условий для сохранения населения на восточном приграничье пока не приблизилась к своему решению.

2. В образовании и здравоохранении, напротив, чистые доходы в подавляющем числе регионов России выросли. Среди восточных приграничных регионов они сократились только в Забайкальском крае и Амурской области; в Приморском крае их рост был выше, в остальных приграничных регионах – ниже общероссийского уровня.

3. Некоторые сегменты минерально-сырьевого комплекса оказались особенно уязвимы в условиях экономического кризиса и внешних шоков: падение чистых доходов в добыче угля в Забайкальском крае превысило 70%, что для региона, где этот сегмент традиционно обеспечивал значительное число рабочих мест, – очень чувствительно. Аналогичная ситуация наблюдается и в Кемеровской области, несмотря на продолжающийся экспорт угля, для которого девальвация рубля создает дополнительные преимущества. Основной причиной было сокращение внутреннего спроса на энергетический уголь, в том числе вследствие климатического фактора.

4. В целом, в большинстве регионов России чистые доходы работающих в аграрном секторе заметно выросли. Рост в аграрном секторе дальневосточных приграничных регионов связан, в том числе, с увеличением производства сои для экспорта в КНР. Но надо иметь в виду, что в целом рост производства и чистых доходов в АПК в значительной степени обусловлен ростом цен на продовольственные товары в России после введения эмбарго в ответ на западные санкции. Как показывает ряд аналитических исследований, вклад АПК в экономический рост (1 п.п.) был преимущественно результатом инвестиций в 2010–2013 гг. Вклад аграрного производства, непосредственно связанный с контрсанкциями, не превысил 0.1 п.п. в ВВП[6]. Поэтому перспективы продолжения этой динамики, как минимум, не очевидны.

5. Ожидания значительных экономических успехов от российско-китайского сотрудничества в целом пока не оправдываются. Российско-китайскую Программу-2018, несмотря на отдельные успехи, можно считать практически не выполненной[7]. Те инвестиционные инициативы, в которых участвуют компании из КНР, хотя и дают определенные стимулы для роста, однако, в основном, консервируют сырьевой характер экономики приграничных регионов и не дают заметных результатов в контексте экономического роста. Специфическая барьерная функция китайской границы попрежнему оказывает значительное влияние на

[6] Итоги четырех лет продовольственного эмбарго. http://www.agroinvestor.ru/analytics/news/30210-itogi-chetyrekh-let-prodovolstvennogo-embargo (дата обращения 12.09.2018).

[7] Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества. https://carnegie.ru/commentary/77081 (дата обращения 12.09.2018).

формирование трансграничной асимметрии и на результаты трансграничных взаимодействий в целом [8]. Наш анализ показывает, что то же происходит в отношении привлекательности рынка труда – при благоприятных условиях для трансграничных экономических связей уровень доходов местного населения не растет. Вероятно, определенную роль играет недостаточно высокая абсорбирующая способность региональных экономических систем, прежде всего, недостаток квалифицированных трудовых ресурсов как рабочих профессий, так и инженерно-технического персонала при высокой доле людей с высшим образованием [17]. Это выражается, в частности, в том, что китайские технологические инновации, активно внедряющиеся в КНР (малая энергетика на основе солнечной и ветровой генерации, производство современных продуктов лесопереработки и др.), "не пересекают границу", несмотря на наличие необходимых природных ресурсов и условий. Кроме того, у компаний из КНР в целом отсутствует мотивация для развития на российской территории производств высокого уровня переработки природного сырья.

6. Динамика чистых доходов занятых в экономике Дальнего Востока, где был предпринят целый ряд мер, направленных на развитие регионов, в целом более благоприятная, чем в Сибири и в Байкальском регионе, хотя есть значительные отраслевые различия. Таким образом, на основе проведенных расчетов можно сделать вывод о незначительном, но все же позитивном влиянии государственной политики в области совершенствования институциональной среды на привлекательность рынка труда.

Надо отметить, что неудовлетворенность новыми институциональными инструментами для решения дальневосточных проблем осознается органами власти. Это выражается в том, что условия участия проектов в государственных программах, в том числе в рамках территорий опережающего развития, корректируются с целью расширения возможностей и снижения барьеров для участия. В частности, снижается порог инвестиций, позволяющий рассчитывать на участие в поддерживаемых государством проектах. Включение Забайкальского края и Республики Бурятия в ДВФО в ноябре 2018 г. распространяет "дальневосточные преференции" в контексте институциональной трансформации и на эти регионы.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

В статье представлены результаты, полученные в рамках проекта XI.174.1.8. Программы ФНИ СО РАН (разделы 1–3) и проекта РНФ № 16-18-10073 (раздел 4).

FUNDING

The article presents results obtained in the framework of the project XI.174.1.8. of the SB RAS basic scientific research program (sections 1-3) and of the RSF project No. 16-18-10073 (section 4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонова Н.Е.* Экономический пояс Шелкового Пути: есть ли возможности для развития биоресурсного сектора Дальнего Востока? // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 37–55.
2. *Антонова Н.Е., Ломакина Н.В.* Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 1. С. 43–56. https://doi.org/10.15838/esc/2018.1.55.3
3. *Глазырина И.П.* Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1 (439). С. 19–35.
4. *Забелина И.А., Клевакина Е.А.* Экологические показатели качества экономического роста в Забайкальском крае // Вестн. Забайкальского гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 101–111.
5. *Зубаревич Н.В.* Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
6. *Колесникова А.В.* Влияние механизма приоритетных инвестиционных проектов на развитие лесопромышленного комплекса Сибири и Дальнего Востока // ЭКО. 2015. № 8 (494). С. 81–102.
7. *Коломак Е.А.* Пространственное развитие и приоритеты региональной политики в России // ЭКО. 2014. № 1 (475). С. 41–53.
8. *Колосов В.А.* Парадоксы глобализации и усиливающиеся барьерные функции границ в современном мире // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 9–18.
9. *Кузнецова О.В.* Восточный вектор инвестиционных связей России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 47–56. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-2-47-56
10. *Ломакина Н.В.* Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона // ЭКО. 2015. № 7 (493). С. 5–15.
11. *Ломакина Н.В.* Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 56–68.
12. *Малкина М.Ю.* Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 44–66. https://doi.org/10.14530/se.2014.3.44-66
13. *Малкина М.Ю., Овчинников В.Н., Горбунова М.Л.* Взаимодействие Китая с российскими регионами в сфере прямых инвестиций и во внешней торговле // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 2. С. 93–108. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-93-108

14. *Минакир П.А., Суслов Д.В.* Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 3. С. 41–56. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.3
15. *Шворина К.В., Фалейчик Л.М.* Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14. №. 2. С. 485–501. https://doi.org/10.17059/2018-2-12
16. *Яковлева К.А.* Социально-экономическая эффективность лесопользования в приграничных регионах России // Вестн. Забайкальского гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 11. С. 151–160. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2016-22-11-151-160
17. *Borensztein E., De Gregorio J., Lee J.-W.* How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? // J. International Economics. 1998. V. 45. P. 115–135.
18. *Buccellato T., Santangelo F.* Foreign Direct Investments Distribution in the Russian Federation: Do Spatial Effects Matter? // Economics Working Papers. 2009. № 99. Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe. SSEES, UCL. London UK. P. 1–27.
19. *Fukase E., Martin W.* Who Will Feed China in the 21st Century? Income Growth and Food Demand and Supply in China // J. Agricultural Economics. 2016. V. 67. Iss. 1. P. 3–23. https://doi.org/10.1111/1477-9552.12117
20. *Glazyrina I.P., Faleichik A.A., Faleichik L.M.* Cross-Border Cooperation in the Light of Investment Processes: More Minuses Than Pluses so Far // Problems of Economic Transition. 2012. V. 55. № 6. P. 43–62. https://doi.org/10.2753/PET1061-1991550605
21. *Huang Y., Wang B.* Chinese Outward Direct Investment: Is there a China Model? // China and World Economy. 2011. V. 19. Iss. 4. P. 1–21.
22. *Iwasaki I., Suganuma K.* Foreign Direct Investment and Regional Economic Development in Russia: An Econometric Assessment // Economic Change and Restructuring. 2015. V. 48. Is. 3–4. P. 209–255. https://doi.org/0.1007/s10644-015-9161-y
23. *Kerr D.* Central Asian and Russian Perspectives on China's Strategic Emergence // International Affairs. 2010. V. 86. № 1. P. 127–152. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2010.00872.x
24. *Lim M.-H.* Globalization, Export-Led Growth and Inequality: the East Asian Story // South Center Research Paper. 2014. № 57. P. 1–35.
25. *Mikheeva N.* Regional Aspects of Economic Growth in Russia // The J. Econometric Study of Northeast Asia (JESNA). 2004. V. 5. № 1. P. 43–69.
26. *Novopashina A.* The effect of the Border on Chinese Direct Investments: Evidence from Russian Border Regions // Eurasia Border Review. 2013. V. 4. № 2. P. 37–56.

Spatial Differentiation of Net Income and Population Conservation Problems in Border Regions of the Russia's East

I. P. Glazyrina[1, 2, #], L. M. Faleychik[1, 2], and A. A. Faleychik[2]

[1]*Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Chita, Russia*

[2]*Transbaikal State University, Chita, Russia*

[#]*e-mail: iglazyrina@bk.ru*

One of the main problems hindering the development of the territories adjoining state boundary in the east of Russia is the population outflow—mainly departure of educated, young and active citizens. Among its reasons are territorial differences in the level and quality of life. The indicators of dynamics of net income (adjusted for price increases in Russian regions) of citizens legally employed in various industries and sectors, were chosen as quantitative characteristics of the interregional differentiation factors. The period from 2011—from the time of economic stabilization after the crisis of 2008–2009—to 2016 was considered. Processing and analysis of official statistical information were carried out using GIS technologies; the results are presented by thematic maps of the spatial distribution of the studied indicators in the regions of the Russian Federation. Crises and economic shocks undoubtedly had a significant impact on the regions' economy, however the degree of sensitivity to them (determined by socio-economic policy) was highly heterogeneous. The policy of import substitution has had a positive impact on the agricultural sector, and in most Russian regions the net income of rural workers has increased significantly. Citizens net incomes in the agro-industrial complex remain low, the share of people living in rural settlements in the eastern border regions is quite high, so it is necessary to state that the geopolitical problems in the East of the country are still far from being solved. As a result of processing and analysis of a large data array, it was found that the dynamics of net income of employees in the economy in the Far East is generally more favorable than in Eastern Siberia, although there are significant sectoral differences.

Ключевые слова: Eastern Siberia, Far East, institutional changes, cross-border Russian-Chinese cooperation, spatial heterogeneity

REFERENCES

1. Antonova N.E. The economic belt of the Silk Road: is there an opportunity for the development of the bioresource sector of the Far East? *EKO*, 2016, no. 7(505), pp. 37–55. (In Russ.).

2. Antonova N.E. and Lomakina N.V. Natural resource sectors of the Far East: new development factors. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2018, no. 1, pp. 43–56. doi: 10.15838/esc/2018.1.55.3. (In Russ.).

3. Glazyrina I.P. Mineral resources complex in the economy of Transbaikalia: dangerous illusions and imitation of modernization. *EKO*, 2011, no. 1(439), pp. 19–35. (In Russ.).

4. Zabelina I.A. and Klevakina E.A. Environmental indicators of the quality of economic growth in Zabaykalsky krai. *Vestn. Zabaikal'skogo Gos. Univ*, 2016, vol. 22, no. 3, pp. 101–111. (In Russ.).

5. Zubarevich N.V. Development of the Russian space: barriers and opportunities of regional policy. *Mir Novoi Ekonomiki*, 2017, no. 2, pp. 46–57. (In Russ.).

6. Kolesnikova A.V. Influence of the mechanism of priority investment projects on the development of the timber industry complex of Siberia and the Far East. *EKO*, 2015, no. 8(494), pp. 81–102. (In Russ.).

7. Kolomak E.A. Spatial development and priorities of regional policy in Russia. *EKO*, 2014, no. 1(475), pp. 41–53. (In Russ.).

8. Kolosov V.A. The paradoxes of globalization and the increasing barrier functions of borders in the modern world. *Reg. Issled.*, 2018, no. 3(61), pp. 9–18. (In Russ.).

9. Kuznetsova O.V. Eastern vector of investment relations of Russia. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 2, pp. 47–56. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-47-56 (In Russ.).

10. Lomakina N.V. Key mechanisms of the development of the Far East and their impact on the role of the mineral sector in the regional economy. *EKO*, 2015, no. 7(493), pp. 5–15. (In Russ.).

11. Lomakina N.V. Implementation of the Silk Road project: new incentives and mechanisms for the development of the mineral sector of the economy. *EKO*, 2016, no. 7(505), pp. 56–68. (In Russ.).

12. Malkina M.Yu. Dynamics and factors of intraregional and interregional differentiation of incomes of the population. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2014, no. 3, pp. 44–66. doi: 10.14530/se.2014.3.44-66 (In Russ.).

13. Malkina M.Yu., Ovchinnikov V.N., and Gorbunova M.L. Interaction of China with Russian regions in the sphere of direct investments and in foreign trade. *Terra Economicus*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 93–108. doi: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-93-108. (In Russ.).

14. Minakir P.A. and Suslov D.V. Foreign direct investment in the economy of the Russian Far East. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 2018, no. 3, pp. 41–56. doi: 10.15838/esc.2018.3.57.3. (In Russ.).

15. Shvorina K.V. and Faleychik L.M. The main trends of migration mobility of the population of the regions of the Siberian and Far Eastern federal districts. *Ekonomika Regiona*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 485–501. doi: 10.17059/2018-2-12. (In Russ.).

16. Yakovleva K.A. Socio-economic efficiency of forest use in the border regions of Russia. *Vestn. Zabaikal'skogo Gos. Univ.*, 2016, vol. 22, no. 11, pp. 151–160. doi: 10.21209/2227-9245-2016-22-11-151-160 (In Russ.).

17. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J-W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? *J. International Economics*, 1998, vol. 45, pp. 115–135.

18. Buccellato T. and Santangelo F. Foreign Direct Investments Distribution in the Russian Federation: Do Spatial Effects Matter? *Economics Working Papers,* 2009, no. 99, Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, SSEES, UCL. London UK, pp. 1–27.

19. Fukase E. and Martin W. Who Will Feed China in the 21st Century? Income Growth and Food Demand and Supply in China. *J. Agricultural Economics*, 2016, vol. 67, iss. 1, pp. 3–23. doi :10.1111/1477-9552.12117

20. Glazyrina I.P., Faleichik A.A., and Faleichik L.M. Cross-Border Cooperation in the Light of Investment Processes: More Minuses Than Pluses so Far. *Problems of Economic Transition*, 2012, vol. 55, no. 6, pp. 43–62. doi: 10.2753/PET1061-1991550605

21. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is there a China Model? *China and World Economy*, 2011, vol. 19, iss. 4, pp. 1–21.

22. Iwasaki I. and Suganuma K. Foreign Direct Investment and Regional Economic Development in Russia: An Econometric Assessment. *Economic Change and Restructuring*, 2015, vol. 48, iss. 3–4, pp. 209–255. doi: 0.1007/s10644-015-9161-y

23. Kerr D. Central Asian and Russian Perspectives on China's Strategic Emergence. *International Affairs*, 2010, vol. 86, no. 1, pp. 127–152. doi: 10.1111/j.1468-2346.2010.00872.x

24. Lim M.-H. Globalization, Export-Led Growth and Inequality: the East Asian Story. *South Center Research Paper*, 2014, no. 57, pp. 1–35.

25. Mikheeva N. Regional Aspects of Economic Growth in Russia. *The J. Econometric Study of Northeast Asia (JESNA)*, 2004, vol. 5, no. 1, pp. 43–69.

26. Novopashina A. The effect of the Border on Chinese Direct Investments: Evidence from Russian Border Regions. *Eurasia Border Review*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 37–56.